

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК 11 (74)

ИСТОРИЯ
и
ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

ЗОЛОТОНОСНАЯ СТРАНА САСУ

Все сведения о стране Сасу, которыми до сих пор оперировали историки, восходят к Козьме Индикоплову. О Сасу Козьма рассказывает от своего имени; Сасу упоминается также в надписи аксумского царя, которую Козьма скопировал в Адулисе и включил в свою книгу. Подлинность надписи не вызывает сомнений, но рассказ самого Козьмы требует критического отношения. В предлагаемой статье мы попробуем заново рассмотреть вопрос о золотоносной стране Сасу, используя надпись аксумского царя, сообщение Козьмы Индикоплова, а также этнографические материалы и сведения арабских и эфиопских средневековых источников.

Относительно местонахождения Сасу мнения исследователей разделились. Если отбросить совершенно фантастические домыслы, то основных точек зрения две: одна помещает Сасу в Сомалии, у Бенадирского берега. Так, Ф. И. Успенский считал, что Сасу «находится по соседству с Занзибаром»;¹ Р. Хенниг отождествлял Сасу с «юго-восточной частью Сомали»;² по мнению Н. В. Пигулевской, «наиболее вероятно, что речь идет о юго-восточной части Сомали».³ Все эти авторы опираются на слова Козьмы Индикоплова, указавшего, что путь в Сасу из Аксума и возвращение в Аксум занимали шесть месяцев и что Сасу, хотя путь в нее пролегал по суше, была расположена где-то вблизи «Океана».

«. . . от Аксума до границ Эфиопии, где находится Ладонская земля, именуемая Барбарией, которая лежит близ Океана, но имеет большую страну Сасу, лежащую у крайних границ страны эфиопов, — (расстояние) 50 переходов, или около того. . .».⁴ И далее: «. . . земля, называемая Сасу, начинается близко от Океана, подобно тому как у Океана начинается Ладонская земля».⁵ Под «Океаном» Козьма подразумевает Мировой океан; для северной части Индийского океана употреблялись другие названия, чаще всего — Эритрейское море. Только южную часть Индийского океана Козьма считает «Океаном»: «Если плыть отсюда во внутреннюю Индию

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I. СПб., 1913, стр. 554.

² R. Hennig. *Terrae incognitae*, Т. II. Leiden, 1937, p. 45; Р. Хенниг. Неведомые земли, т. II. М., 1961, стр. 64.

³ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 163.

⁴ *The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes*. Ed. with the geographic notes by E. O. Winstedt. Cambridge, 1909, pp. 69—70.

⁵ Там же, стр. 70.

(Южную Аравию, особенно Хадрамаут и Оман), несколько миновав страну Барбарю (Сомалию), то еще дальше (к югу) находится Зингион (Восточная Африка), ибо так они называют устье Океана.⁶ И далее: «... между нами (Иеменом и Сомалией) лежит море, крайняя часть которого является вместе с тем и Океаном, называемым Зингион».⁷ Такой же терминологии придерживался и «Перипл Эритрейского моря»: «... если плыть (по Эритрейскому морю) на восток, имея Океан справа... то попадешь к реке Гангу... Вблизи реки есть остров в Океане, крайняя часть населенной людьми земли к востоку... Здесь из всех мест по Эритрейскому морю самая лучшая черепаха».⁸ При этом Индийский океан, по мнению «Перипла», соединяется с Атлантическим где-то на месте Танганьики: «Это (к югу) от Береники... последние места Азании (Восточной Африки); далее за этими местами простирается неисследованный Океан. Он погибает на запад и, простираясь вдоль отдаленных мест Эфиопии, Ливии и Африки на юге, соединяется с Гесперийским морем (Атлантическим океаном)».⁹ По представлениям древних, крайние пределы Африканского материка на юго-востоке доходили до Зингионов, а на юго-западе — до Гвинейского залива (см. литературу, посвященную «Периплу» Ганнона). Следовательно, по представлению Козьмы Индикоплова, Сасу находится у крайних южных пределов Африки, совсем недалеко от Мирового океана. В то же время Сасу как-то связана с Барбарией или даже составляет часть ее, более удаленную от побережья. Это может свидетельствовать о том, что уже во времена Козьмы (VI в. н. э.) существовал путь из Барбарии в Сасу, но не обязательно эти страны граничили друг с другом (см. ниже). Так же мало дают для определения положения Сасу и другие сведения Козьмы. По его представлению, Сасу находится от Аксума в направлении Ладонской земли (см. выше); но это значило лишь грубо южное направление: сперва на юго-восток, потом на юго-запад, огибая Африканский Рог. В Сасу Козьма не был (см. выше), но слышал, что путь туда и обратно в Аксум занимает шесть месяцев.¹⁰ Это, конечно, преувеличение действительного пути.

Нам известно лишь об одном столь же длительном путешествии аксумского периода. В середине IV в. царь 'Эзānā приказал переселить на новое место часть народа бēgā (беджа), в составе шести племен, общей численностью в 4400 человек. Об этом рассказывает его трилингва.¹¹ Бēgā, под командованием аксумских воинов, были препровождены в Аксум и отсюда отправлены в область Матлия, или «землю Бирн»; эта местность была расположена, по-видимому, у южных границ Аксумского царства, по соседству с Агау-

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Там же, стр. 70.

⁸ Псевдо-Ариан. Перипл Эритрейского моря, § 63. ВДИ, 1940, № 2.

⁹ Там же, § 18.

¹⁰ The Christian Topography... , p. 72.

¹¹ Enno Littmann. Deutsche Aksum-Expedition, Bd. IV. Griechische Sabaische und Altäbessinische Inschriften, №№ 4, 6, 7.

медером, где впоследствии находилась область Бегамедер («земля бегā»). Таким образом, бегā двигались по дороге из Аксума в Сасу (см. ниже). Бегā переселялись со своими семьями, с женами, стариками и детьми, гнали весь свой скот, крупный и мелкий, которому необходимо было давать длительную передышку в пути. От границ своего прежнего места обитания до Аксума они двигались четыре месяца, тогда как торговые караваны проходили этот путь максимум за несколько недель. Сколько времени занял путь бегā из Аксума, остается неизвестным. Несомненно, он был во много раз продолжительнее обычного пути в страну Агау, которым двигались аксумские караваны в Сасу (см. ниже). Даже позднее торговые экспедиции в Эфиопии и Восточной Африке занимали не больше нескольких недель или одного-двух месяцев. По представлению самих эфиопов, путь продолжительностью в три месяца был предельно большим расстоянием. Так, сказочный основатель Эфиопского царства, Давид, сын царя Соломона и Царицы Савской, мог «в один день проделать путь в три месяца»,¹² но ведь у него была «повозка, летающая по воздуху».¹³

Другой эфиопский царь, 'Амда-Сейон (1314—1344 гг.), имя которого окружено многочисленными эпическими легендами, якобы достиг в своих завоеваниях стран южного полушария: «В той стране это были дни зноя, а у нас — время дождей. Путь в эту страну продолжителен — целые года».¹⁴ Однако не может быть сомнения в том, что 'Амда-Сейон никогда не был в Южной или в Юго-Восточной Африке и что сведения о ней эфиопы, скорее всего, получили от арабских купцов. Судя по всему, аксумиты держали путь в Сасу в строгом секрете и сознательно преувеличивали расстояние туда в разговорах с византийцами. Заодно информаторы преувеличили продолжительность сезона дождей.

С той же целью они подчеркивали опасности пути. Вот что говорит Козьма о возвращении аксумитов из Сасу: «Обратный путь они совершают все поголовно вооруженные, ибо среди жителей той земли есть такие, которые угрожают им и хотят отнять (выменанное в Сасу) золото».¹⁵ Это не преувеличение; одна из надписей 'Эзāны рассказывает об уничтожении целого каравана аксумитов жителями восточноэфиопского Афāна.¹⁶ Однако в сообщении Козьмы чувствуется, что он передает тенденциозный рассказ своих информаторов.

Сам Козьма отнюдь не утверждает, что лично побывал в Сасу. Рассказав об Аксумском царстве и о торговле аксумитов с этой страной, Козьма в заключение пишет: «Все это я описал, частью увидев, частью услышав

¹² Kebra Nagast czyli Chwała Królów Abisynii. Fragmenty. Prz. Stefan Strelcyn, Warszawa, 1957, p. 157.

¹³ Там же, стр. 86.

¹⁴ Histoire des guerres d' 'Amda-Syon, roi d'Éthiopie. Ed. par J. Perruchon. Journal Asiatique, t. XIV, 1889, pp. 317, 358; Б. А. Т у р а е в. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 47.

¹⁵ The Christian Topography. . . , p. 71.

¹⁶ Enno Littmann. Deutsche Aksum-Expedition, p. 28, № 10 : 7.

от тех, кто там усердно (этим) занимается.¹⁷ В сообщении Козьмы о Сасу нет никаких подробностей, которые бы свидетельствовали о личном знакомстве любознательного путешественника с этой страной. В этом описании Сасу резко отличается от описания Аксумского царства, например г. Адулиса и Адулисского монумента,¹⁸ царского дворца в Аксуме¹⁹ и пр. Следовательно, приведенное высказывание Козьмы может быть истолковано только одним образом: Аксумское царство он описал, «увидев своими глазами», а Сасу и путь в нее — «услышав» от аксумитов.

С Бенадиром (в Сомали) Сасу нельзя отождествлять уже потому, что в этом крае нет месторождений золота. Между тем Сасу, по словам Козьмы, очень богата золотом; она «изобилует золотыми россыпями».²⁰ По той же причине отпадает «компромиссное» отождествление Сасу с Шоа, расположенной на полпути между Аксумом и Бенадиром; такого взгляда придерживались Нибур и Маннерт.²¹ Более правы те, кто искал Сасу поблизости от золотоносных районов Северо-Восточной Африки.

Таких районов здесь два. Один находится в стране беджа, к северу от Аксумского царства. Он известен с глубокой древности. Уже поэтому золотоносный район Нубийской пустыни не мог быть «таинственной Сасу» Козьмы Индикоплова. Затем Сасу находилась не в северном, как беджа, а в южном направлении от Аксума. Кроме того, в стране беджа золото мыли в основном иностранцы: египтяне, начиная со времен Рамзеса Великого (XIII в. до н. э.), египетские перебежчики, мероиты, арабы — в средние века, и лишь отчасти коренное население. Между тем, согласно Козьме Индикоплову, золото в Сасу добывают сами туземцы, которые продают его аксумитам.²²

Это вполне подходит для другого золотоносного района в Северо-Восточной Африке. Он расположен в 500 км на юго-юго-запад от Аксума и распадается на 5—6 районов. Часть его лежит в пределах современной Эфиопии, часть — в пределах Судана, однако исторически и географически — это одна обширная зона, связанная и с долиной Нила, и с Эфиопским нагорьем. Ее крайние северные пределы находятся в горах Ингосана, крайние южные — в горах Каффы; золото есть и в этих двух районах, но самые богатые россыпи — золото-платиновые — находятся в центре зоны.

В этой зоне искали Сасу Вивьен де Сен-Мартен²³ и английские авторы. По мнению Сен-Мартена, Сасу — это Каффа; утверждение неправдоподобное, потому что Каффа лежит на самой далекой от Аксума окраине зоны;

¹⁷ The Christian Topography. . . , p. 71.

¹⁸ Там же, стр. 72.

¹⁹ Там же, стр. 318—319.

²⁰ Там же, стр. 70.

²¹ Там же, стр. 337.

²² Там же, стр. 71.

²³ L. Vivien de Saint-Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques. Paris, 1873, p. 279.

и все же оно содержит рациональное зерно: высокая и оригинальная цивилизация Каффы должна была иметь предшественниц.

Авторы, высказывавшие другую точку зрения, стремились отождествить Сасу с Касу, основываясь на созвучии названий. Первым из них был Глазер;²⁴ его предположение неуверенно повторял Каммерер,²⁵ а затем подробно развили английские авторы: Уэйнрайт,²⁶ Аркелл²⁷ и др. Между тем аксумские надписи различают Касу (Мероэ) и Сасу; различает их и поздняя топонимика (см. ниже). Перечень стран в «Сказании о походе царя 'Амда-Сейона» строго различает Касо, Гасо, Затир-Касо (т. е. Касу) и Сасо-ги, или Сасо-гё (т. е. Сасу).²⁸ Наконец, те данные о действительном местоположении Сасу, которые можно почерпнуть из письменных источников, помещают Сасу совсем в другом районе, чем Касу.

Собственные домыслы Козьмы о местонахождении Сасу неверны; вместе с тем в его рассказе содержатся подлинные сведения, которые позволяют определить направление пути из Аксума в Сасу. Козьма говорит, что аксумский царь посылал караваны в Сасу через земли а г а у (вернее, через правителя а г а у).²⁹ Сейчас последние остатки народов а г а у живут на западном, северо-западном и юго-западном берегу оз. Цана. Судя по всему, в аксумский период они населяли также и восточный берег Цана, где пролегали древние пути, связывавшие северную Эфиопию и Аксум с долиной Голубого Нила и его притоков. Следовательно, упоминание об а г а у определенно дает юго-юго-западное направление от Аксума. Затем Козьма сообщает, что попасть в Сасу можно, лишь переправившись через «Нил».

«В этих местах находятся верховья Нила, и зимой из-за больших дождей из него (Нила) на дорогу вытекает множество рек. А зима там, когда у нас (в Египте) время жатвы, начинается в египетском (месяце) эпифи и (продолжается) до конца (месяца) тот. И все эти три месяца идут весьма сильные дожди, отчего образуется множество рек, и все они текут к Нилу».³⁰ Под «Нилом», возможно, подразумевается прежде всего р. Такказе, которую было необходимо пересечь любому каравану, отправлявшемуся из Аксума на юг. Ее называли «Нилом» Адулисская надпись³¹ и «Перипл Эритрейского моря».³² Но в Такказе впадает совсем не такое «множество рек» северо-западной Эфиопии, как в «Нил» Козьмы Инди-

²⁴ Цит. по Уинстедту (The Christian Topography. . . , p. 336).

²⁵ А. Каммерер. Essai sur l'Histoire Antique d'Abyssinie. Le Royaume d'Aksum et ses Voisins d'Arabie et de Meroe. Paris, 1926, pp. 59, 88—89.

²⁶ J. A. Wainwright. Cosmas and the Gold Trade of Fazogli. Man, 1942, v. 42, p. 30.

²⁷ A. J. Arkell. Cosmas and the Gold Trade of Fazogli. Man, 1944, v. 4, pp. 30—31.

²⁸ Histoire des Guerres d'Amda-Syon, pp. 318—323, 359—362.

²⁹ The Christian Topography, pp. 70—71.

³⁰ Там же, стр. 71.

³¹ Там же, стр. 74.

³² Псевдо-Арриан. Перипл Эритрейского моря, § 4, стр. 265.

коплова. Эта характерная деталь больше подходит к Аббаю, или Голубому Нилу, лежащему дальше на юг. Может быть, в образе «Нила» Козьма слил сразу две реки: Такказе и Аббай (Голубой Нил), однако он говорит лишь об одной переправе через реку. Как бы то ни было, лишь Такказе и Аббай могли быть приняты за Нил: между тем путь в страну агау, через Самён, обязательно предполагал переправу через Такказе. Таким образом, и эта подробность указывает на юго-юго-западное направление. Наконец, обращает на себя внимание характерное замечание Козьмы о климате Сасу. Он говорит о сильных дождях, которые продолжаются здесь в течение трех месяцев: с эпифи (июля) по тот (сентябрь).³³ Эта подробность совершенно не подходит для засушливых областей, лежащих по дороге в Бенадир, тем более для самого Бенадира. Зато она довольно точно характеризует климатические особенности юго-запада, включая Каффу, Мочу, галласские области по Гибье, Ёаллегу и весь золотоносный район. Здесь в году целых два дождливых сезона: один в феврале—марте, другой начинается, правда, не в июле, а в августе, но продолжается до конца сентября. Это наиболее дождливая часть Эфиопии.

То же направление от Аксума и примерно ту же территорию указывает адулисская надпись. Аксумский царь сообщает в ней, что власть его признали все народы, живущие вдоль границ его владений: «... на востоке — до Ладонской земли и на западе — до земли эфиопов и Сасу».³⁴ Таким образом, в надписи обозначены не просто восточные и западные границы Аксумской державы, а наиболее удаленные от цивилизованных стран юго-восточные (Ладонская земля) и юго-западные границы («страна эфиопов», т. е. негров, более темнокожих, чем аксумиты; ср. «чистокровные» и «нечистокровные» «эфиопы» у Гелиодора, Птолемея и других современных им авторов). Земля Сасу могла находиться лишь на юго-западе от Аксума, по соседству с «землей эфиопов», симметрично Ладонской земле. Такая характеристика больше всего подходит к долине Аббая (Голубого Нила).

Именно здесь, а также в областях, расположенных далее к югу и составляющих в этнографическом отношении продолжение той же зоны, в топонимике и этнонимике прослеживается корень «сасу» или «сасо». Столица Бени-Шонгуль называется А-с-о-с-а; в Каффе находится священная гора Шоша, у подножья которой хоронили царей; есть в Каффе также горная область Шаша и роды Ушашо, Шаша или шашо; у гимирра имеется своя область Шаша; у манджи, остаточного народа Каффы, есть род, или локальная группа, — шешшо; шарский род Каффы назывался бу-шашо; правящая каста мао называется бу-шаша, или бу-саси; царский род гимирра назывался шаша-би (ср. род гура-бё в Каффе и название народа гура-гё). Кроме того, возле Гедарсфе есть деревня Азаза, возле Гон-

³³ The Christian Topography. . . , p. 71.

³⁴ Там же, стр. 77.

дара — деревня Азозо, здесь же в средние века находилась область Зазо.³⁵ В перечне народов, с которыми якобы сражался 'Амда-Сейон, «Сказание о походе царя 'Амда-Сейона» упоминает Сасо-гё, или Сасо-ги и Азазо, или Изазо.³⁶ «Житие Аарона Манкерауи» называет область Асаса где-то на запад или северо-запад от оз. Зўайи.³⁷ В «Кебра Нагашт» фигурирует область Азазат, до которой будто бы доходили границы Аксумского царства.³⁸

Булатович называет Цоцо как одну из областей, соседних с Бени-Шонгуль.³⁹

Во всех этих названиях один корень, который на севере звучит как зозо, в центре, у золотоносного района, как сасо, саса или саси, на юге — как шашо, шешшо, шаша или шяшя. Основой может быть саса, или сасо, близкое к греческому *Σασου*.

Исходя из современного значения названий Асоса, Бусаси, Бушаши, Шашаби, можно предположить, что термин Сасу был названием столицы или господствующего племени, словом, — господствующей общины.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что самым распространенным этнонимом зоны является другой, происходящий от корня ГМЛ || ГМР. Сюда относятся: гимирра — название большого народа и одной из его групп; гомаро — так называются каффичо у гимирра; гомоза, гонза или гумуз — название большого народа к северу от золотоносного бассейна; гамило — привилегированный, но не царский, род у джанджеро; гамила — секция или племя у берта; гемил-аб — племя у хадендаўа-беджа; Гамарар — область в перечне народов и стран «Сказания о походе царя 'Амда-Сейона»;⁴⁰ город Гамбела на р. Баро; гомпаэ — род у масонго; гамолэ — племя неизвестного происхождения, примыкающее к консо; гамайо — подразделение бурджей; гамйо — племя, ассимилированное бурджами; Гамбая, или Гамбай — средневековая область недалеко от Фоггары на западе Эфиопии.

Гамолэ у консо, гамайо и гамйо у бурджей и Гамбая и гемилаб на севере лежат за пределами Аббайской зоны, однако не слишком далеко от ее границ. Остальные этнонимы и топонимы корня ГМЛ || ГМР сконцентрированы примерно в одном районе, в долине Аббая и правобережья Омо; они прослеживаются у всех без исключения народов, исконно обитающих в этом районе. Характерно, что одно и то же название относится к народам разного происхождения, расы и языка. Языки джанджеро, каффичо и

³⁵ Б. А. Тур а е в. Некоторые жития абиссинских святых по рукописи бывшей коллекции d'Abbadie. Житие Яфкерана-Эгзие. Византийский временник, т. XIII, 1906, стр. 258—291, перевод — стр. 259—287.

³⁶ Histoire des Guerres. . ., pp. 318—323, 359—362.

³⁷ Б. А. Тур а е в. Исследование в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902, стр. 139.

³⁸ Kebra Nagast czyli Chwafa Królów, p. 141.

³⁹ См.: М. В. Р а й т. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX—начале XX в. Африканский этнографический сборник, I, М., 1956, стр. 271.

⁴⁰ Histoire des Guerres. . ., pp. 319, 360.

гимирра принадлежат к особым подгруппам кушитской семьи; берта говорят на нилотском языке, язык гумуз относится к совершенно особой семье. Каффичо и джанджеро — типичные эфиопиды; гимирра — эфиопиды с небольшой негритянской примесью; гумуз, масонго и гамилаберта — негры с некоторой эфиопидной примесью. Имеются различия и в материальной культуре. Больше всего общего в социальном строе, особенно в учреждениях и ритуале, которыми окружалась царская власть.

О большой древности всего этого комплекса царских обычаев говорят многие факты. Частично его усвоили средневековые завоеватели, семиты и галлы. В средние века он оказал сильнейшее влияние на придворный ритуал христианской Эфиопии.⁴¹ В Джанджеро существовал особый «царский язык», формы которого столь сложны, что могли развиваться лишь в течение многих веков.⁴² Когда в XVII в. Джанджеро посетил испанец Фернандец, он застал здесь весь комплекс царских обычаев, известных по материалам, собранным в конце XIX—начале XX в.⁴³

Все это свидетельствует не только о древности ритуала, но и о древности той устойчивой общности, которая породила общность царских обычаев. Характерно, что средневековые эфиопы называли многие народы Юго-Запада собирательным названием «народы Гумар» или «народы Гамбо», что происходит от того же корня ГМЛ||ГМР. Очевидно, еще в позднем средневековье они представляли какое-то единство. Можно предположить, что зарождение подобного единства, культурного и политического, относится к раннему средневековью, к периоду Сасу, который сменился периодом гегемонии Дамота, а затем — Каффы. Возможно, термин ГМЛ||ГМР, если и не был социальным по происхождению, в какой-то период приобрел социальное, нарицательное значение. Может быть, это произошло еще во времена Сасу. В таком случае Сасу были привилегированной группой, царской общиной, господствующим племенем; ГМЛ-ГМР были следующим, наиболее многочисленным слоем, принадлежность к которому была достаточно почетной — поэтому на окраинах зоны, у берта и джанджеро, словом гамила или гамило называется привилегированный род или племя; ниже слоя ГМЛ||ГМР стояли примитивные племена какой-то другой группы.

Возможно, термин ГМР — тотемического происхождения. На многих языках Эфиопии слово со значением «гиппопотам» очень близко по звучанию к этому этнониму: гумārē — на языке сахо; гумārē — на языке афар (данакиль); гēr — на сомалийском языке; гумāри — на языке хамир; гумār — на языке хамта; гумārī, или гумārē, — на языке кўара; гумари — на языке кемант; гума — на языке ауийя; гомари — на языке гогот; гаманō — на языке каффа; гоманā — на языке чара (омето); гумāн —

⁴¹ Этому вопросу мы посвятим особую статью.

⁴² Enrice Cerulli. Studi etiopici, v. III. Roma, 1938, pp. 61—64.

⁴³ C. F. Beckingham and G. W. Huntingford. Some Records of Ethiopia, 1593—1646 (The Journey of Antonio Fernandez, 1613—1614). London, 1954, pp. 143—166.

на языке ямма (джанджеро) и др. Это слово еще в древности проникло в семитские языки Эфиопии — гумārī на геэз и гумārē на тиграй (тигриння) также значит «гиппопотам». ⁴⁴ Таким образом, термин ГМР||ГМЛ носит этнический характер, но с некоторым социальным оттенком и с тотемическими корреспонденциями. В этой связи интересно отметить, что в древней Нубии, или Куше, тоже, по-видимому, существовала социальная или социально-этническая группа, называвшаяся «детьми гиппопотама». В одном из древнеегипетских «сказаний» о Сатни-Хемуасе («Сатни-Хемуас и сын его Са-Осирис») фигурируют три кушитских мага: «Гор, сын бегемотихи», «Гор, сын (простой) кушитки» и «Гор, сын аристократки». ⁴⁵ Здесь выражение «сын бегемотихи» является явно социальным термином, подобно «сыну (простой) кушитки» и «сыну аристократки». Можно заключить, что «дети гиппопотама» составляли более низкую социальную категорию, чем простые кушиты-общинники, подобно тому как эти последние составляли более низкую категорию, чем аристократы. Недаром из трех кушитских магов сначала появляется самый низший, «Гор, сын бегемотихи», потом «Гор, сын кушитки» и, наконец, наиболее могущественный «Гор, сын аристократки». Кушитские «дети гиппопотама» могли составлять особую социально-этническую группу. Один из остаточных народов Эфиопии, воито на оз. Цана, считает своим родоначальником гиппопотама; воито живут охотой на этого зверя и в ритуальных песнях называют его «отцом». ⁴⁶ Кроме «детей гиппопотама», вдоль эфиопско-суданской границы живет еще одна категория племен, сохраняющая остатки тотемических представлений. Это «дети собаки», потомки бродячих охотников-собирателей, которые занимают еще более низкое место в социально-кастовом отношении. ⁴⁷ Многие данные свидетельствуют о том, что элементы сословно-кастовых делений появились в долине Аббая в очень давние времена. Единственным сообщением о внутреннем строе Сасу является полуфантастический рассказ Козьмы Индикоплова:

«[Сасу] имеет много золотых россыпей. Из года в год царь аксумитов, через архонта а г а у, посылает туда своих людей за золотом. И вместе с ними идут многие другие с той же целью, так что все вместе они составляют свыше 500 человек. Туда доставляют быков, соль и железо. По прибытии в ту страну они тотчас же располагаются лагерем (или делают стоянку) на этом месте. Собрав затем большое количество колючего дерева, они делают большую изгородь и располагаются внутри нее. Быков убивают (или приносят в жертву) и поют, а поверх колючей ограды кладут соль и железо, и куски мяса, которые у них есть. Потом приходят туземцы, приносят с собой золото в виде волчьих бобов, называемых „танхарос“.

⁴⁴ Enrice C e r u l l i, Studi etiopici, v. III, p. 74.

⁴⁵ Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. Перевод И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. М., 1958, стр. 157—158.

⁴⁶ Abyssinian Journey of Marcel Griaule. London, 1936, p. 174.

⁴⁷ Историко-этнографическому описанию этой группы народов мы посвятим специальную статью.

и кладут около куска мяса, около соли или железа, которое они хотят приобрести, один, два или более кусочков, и отходят на некоторое расстояние. Тогда приходит хозяин мяса и берет золото, если доволен предложенной за товар ценой. После этого приближается туземец, сделавший предложение, и уносит мясо, соль или железо. Если же хозяин товара недоволен количеством золота, предложенным за его товар, то он не трогает золота, а подошедший туземец, видя, что его золото не взято, или присоединяет еще кусочек, или берет свое золото и уходит. Таков там обычай торговли, так как они говорят на другом языке, а переводчиков там весьма недостаточно». ⁴⁸

При этом предполагается, что «немой торг» совершался ночью и продавец не видел покупателя. Такова ходячая легенда, еще в глубокой древности изобретенная купцами, не желавшими допускать чужаков к секретам торговли золотом. ⁴⁹ Очевидно, аксумиты передали легенду о «немом торге» или самому Козьме, или его информаторам; но Козьма не мог ей полностью поверить, поэтому опустил явно неправдоподобную подробность о «невидимых» покупателях и добавил рационалистическое рассуждение о недостаточности переводчиков. Вероятно, в рассказ об изгороди он также внес свои поправки (см. ниже). Но и в этом виде сообщение Козьмы местами вызывает недоумение. Для чего аксумиты закалывали быков? Ведь проще было бы их продавать живыми. Золото — не медная мелочь, за которую не купишь целого быка, а туземцы, несомненно, предпочли бы живой скот кускам говядины. Да и как это мясо зарезанных быков не портилось во время продолжительного «немого» торга, особенно если покупатель отказывался прибавить золота и возвращал мясо? В Эфиопии всегда ели лишь мясо только что убитых животных, поэтому версия с закалыванием быков, развешиванием кусков говядины на колючей изгороди и «немой» торговле мясом выглядит настоящей насмешкой аксумитов над заморским купцом-мореходом, который привык есть мясо, заготовленное для плавания впрок.

Далее непонятно, почему аксумские купцы доставляли в Сасу для обмена на золото лишь соль, железо и скот, но не ткани, ремесленные изделия из металла, стекла, кожи? Вряд ли жители Сасу отказались бы от этих товаров. Вероятно, разгадка в том, что металлическими и стеклянными изделиями, а также тканями торговали византийские и индийские купцы, в то время как солью, железом и скотом они не торговали или почти не торговали. Особенно это относится к соли и скоту, но также и к железу. «Перипл Эритрейского моря» только один раз упоминает железо, ввозимое в Эфиопию, ⁵⁰ Прокопий Кесарийский даже говорит о запрете прода-

⁴⁸ The Christian Topography. . . , pp. 70—71.

⁴⁹ См., например: Д. А. О л ь д е р о г г е. Западный Судан в XV—XIX вв. Тр. Инст. этногр., III, М.—Л., 1960, стр. 46—47.

⁵⁰ П с е в д о - А р р и а н. Перипл Эритрейского моря, § 6, стр. 266.

вать эфиопам железо под страхом смертной казни.⁵¹ Кроме того, железные крицы, бруски соли (амолье, или амоле) и скот издавна служили в Эфиопии разменной монетой; аксумские кушцы и царь могли по своему усмотрению обменивать или не обменивать эту местную «валюту» на деньги и товары иноземцев. Очевидно, перечень товаров, доставляемых в Сасу, также является продуктом сознательного литературного творчества, конечно не Козьмы, а тех, кто был заинтересован в том, чтобы отбить у него охоту пуститься в торговую экспедицию. Отсюда видно, как тщательно аксумиты оберегали свою монополию на торговлю с Сасу.

Но был ли путь из Сасу в Аксум единственной дорогой, связывающей Сасу с внешним миром? По-видимому, существовало еще два пути. Один из них проходил по Аббаю (Голубому Нилу), через земли шеллуков, в Алоа и Мероэ. На существование этого пути указывают косвенные данные: быстрое продвижение нубийской цивилизации в первые века н. э. на юг, вверх по Голубому Нилу, сведения древних об оз. Цана, возвышение Алоа, общность многих обычаев «царского комплекса» в Нубии и в юго-западной Эфиопии, общность некоторых черт религии и даже религиозных терминов и, наконец, общее слово для обозначения «волчьих бобов», или земляных бобов, а также золота. Эти слова из нубийского языка, из языков беджа, гумуз и берта (дунгара, санчара, анча и др.) напоминают слово *τάχχαρος*, которое Козьма Индикоплов применяет для обозначения золота Сасу. Козьма выражается так, что возможны самые разноречивые толкования: «. . . туземцы [Сасу]. . . приносят с собой золото в виде «волчьих бобов», называемых *τάχχαρος*. . . » (см. выше).⁵² Между тем *τάχχαρος* чисто греческое слово, оно значит «самородок». Все выражение, таким образом, переводится так: «Туземцы приносят с собой золото в виде „волчьих бобов“ (или горошин), называемых самородками». Сопоставление *τάχχαρος* с названием земляных бобов и золота на африканских языках выглядит не слишком убедительно, хотя и не противоречит фактам. Открытие торгового пути из древней Нубии в долину Аббая относится к древнейшим временам. Еще древние египтяне, затем греки и римляне знали, что Нил вытекает из оз. Цана; установить этот факт было бы невозможно, если бы все течение Голубого Нила до самых его истоков не было известно мероитам.

Третий путь вел из юго-западной Эфиопии к побережью Индийского океана. «Перипл Эритрейского моря» упоминает негостеприимных торговцев сомалийского Мунду.⁵³ Козьма Индикоплов определенно утверждал, что «жители Барбарии (Сомалии) приходят в удаленную от моря местность для торговых дел».⁵⁴ Очевидно, речь идет о ближайшем к побережью отрезке торгового пути от берегов Аденского залива и Индийского

⁵¹ Прокопий - Кесарийский, I, 19, 102; Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Перевод С. Дестуниса. СПб., 1876, стр. 252.

⁵² Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 165.

⁵³ Псевдо-Арриан. Перипл Эритрейского моря, § 9, стр. 267.

⁵⁴ The Christian Topography, p. 69.

океана в южную и юго-западную Эфиопию. Конечным пунктом на западе была Сасу. Это подтверждают этнографические источники. В некоторых случаях этнографические «памятники» играют ту же роль, что и памятники археологии. На древних торговых путях внутренней Эфиопии такими этнографическими «памятниками» являются бурдюки из кож, применяемые для переправы через реки. Они употребляются здесь только на среднем Аббае, близ места впадения в него Гудера, и на среднем Омо, в Кулло и Джанджеро. В соседней Нубии они известны только в районе порогов. Во всех случаях они отмечают места пересечения рек древними караванными путями, ведущими от морского побережья в глубь материка. Вероятно, бурдюки из кож как средство переправы занесены сюда из Азии, где они известны с древнейших времен в Месопотамии и Аравии. Правда, нет ничего невозможного в том, что бурдюки для переправы являются в Эфиопии и Нубии местным изобретением. Однако более вероятно, что они занесены сюда древнеаравийскими торговцами. В пользу этого предположения говорит следующее обстоятельство: бурдюки и плоты из бурдюков были главным средством переправы в беслесных Аравии и Средней Месопотамии, в то время как юго-западная Эфиопия изобилует лесом и гигантским тростником, который легко рубится и обладает высокой плавучестью. Кроме того, нигде больше в Эфиопии и Нубии бурдюки для переправы не употребляются; исконными африканскими средствами переправы являются здесь тростниковые плоты и лодки; они сохранились в Эфиопии на всех основных озерах и на притоках Белого Нила и только в низовьях Ауаша, Омо и Баро вытеснены долбленными лодками. Наконец, бурдюки из кож как средство переправы имеют весьма специфическое применение: они обслуживали только торговый и военный быт. Для перевозок жидких и сыпучих тел бурдюки или кожаные мешки также использовались лишь торговыми караванами и военными отрядами. В местном крестьянском обиходе их заменяют глиняные сосуды, мешки из пальмовых листьев, циновки, плетеные корзины. Бурдюки из кож выглядят в Эфиопии чужеземными пришельцами.

Когда же они попали на Омо и Аббай? Очевидно, если их родина в южной Аравии, они попали в Эфиопию не позже, чем начали исчезать в Аравии. Страбон сообщал, что «сабеи ведут торговлю как с туземцами, так и с лицами, приезжающими из Эфиопии, к которым они переплывают в кожаных лодках через пролив».⁵⁵ Несколько позже, в конце I в. н. э., «плоты, обтянутые кожей», или плоты из бурдюков, упоминает «Перипл Эритрейского моря».⁵⁶ Позднее бурдюки здесь перестают применяться для переправы через Баб-эль-Мандебский пролив; они сохраняются только у берегов Омана. Следовательно, в Эфиопию они могли попасть не позже первых веков н. э. От африканского побережья Красного моря и Аденского залива бурдюки для переправы проникли в глубь страны.

⁵⁵ Страбон, XVI, § 19.

⁵⁶ Псевдо-Ариан. Перипл Эритрейского моря, § 27.

сначала, вероятно, на Аўаш, затем на Аббай и Омо. Как археологические памятники эти своеобразные средства переправы обозначают трассы древних караванных путей: от побережья Красного моря, через Адулис, Колоэ, Аксум, через области Агау, через Аббай у Гудера, в золотоносную Сасу и от побережья Аденского залива, через Аўаш и Омо — также в золотоносную Сасу, в Джанджеро и соседние земли. Первый путь, из Адулиса, был длиннее, но его безопасность гарантировала Аксумская держава. Второй путь, восточный, был короче и легче, но проходил по территории раздробленных независимых племен.

Вряд ли случайным является совпадение некоторых этнонимов в разных пунктах восточного пути. Например, название народа сахо, который в прошлом жил намного южнее своего теперешнего места обитания на севере страны Данакиль, имеет параллели у гураге (чаха) и в юго-западной Эфиопии: шакко — самоназвание моча, шекко у гимирра, сокко у манджи. Это весьма древний слой этнонимов. Этноним аргобба, которые теперь живут лишь несколькими деревнями к югу от Анкобера и к югу от Харара, но которые в древности занимали обширную сплошную территорию, имеет параллель в аргеппо, старинном привилегированном (но не царском) роде Каффы. Древние солатэ, или селта-ги, которые обитали у границ Ладонской земли, имеют параллель в Селти, или Сельтэ — топонимах страны гурагэ. Эти названия распространены только вдоль пути из Сасу к Баб-эль-Мандебскому проливу, Теджурскому и Аденскому заливам. Так как в этой части Эфиопии переселения народов происходили только с востока на запад, но не с запада на восток (за исключением дамотских и шоанских походов), то естественно предположить, что народы, имена которых имеют параллели на морском побережье, проникли на юго-запад с побережья. Возможно, их привлекало золото, которым они торговали как посредники. Известно, что в новое время посредническая торговля товарами юго-западной Эфиопии процветала на всем протяжении пути от Зейлы до Джиммы, Каффы и Ёаллеги.

Один этноним в конце восточного пути, на побережье Красного моря, вызывает важные исторические ассоциации. Это название народа афар, или данакиль, которые живут от Зулы (древнего Адулиса) до Баб-эль-Мандебского пролива и Теджурского залива. Этноним афар напоминает название страны Офир, о которой говорят разные книги Библии. В так называемой родословной народов Офир назван непосредственно рядом с Шебой (Сабой) — оба они представлены «сыновьями Иоктана». ⁵⁷ Если учесть, что «родословная» отражает лишь географические и экономические связи народов (например, финикияне оказываются «родичами» египтян и нубийцев), то это сообщение Библии можно толковать лишь следующим образом: Офир находится неподалеку от Сабы и связан с ней торговлей. В то же время Офир был страной золота. Царь Соломон первый «сделал корабль в Эцион-Гебере, возле Эйлата, на берегу Красного моря» и

⁵⁷ Первая книга Моисеева. Бытие, гл. 10, стих 29.

отправил его в страну Офир. Вместе с израильтянами на корабле были опытные финикийские моряки, присланные царем Хирамом. Корабль вернулся из Офира, нагруженный огромным количеством золота, серебра, слоновой кости, обезьянами (или ладаном) и павлинами (или рабами). «У царя (Соломона) был на море Тарсисский корабль вместе с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил Тарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов». ⁵⁸ Впоследствии, около 860 г. до н. э., царь Иосафат также «сделал корабли на море, чтобы ходить в Офир за золотом; но они не дошли, ибо разбились в Эцион-Гебере». ⁵⁹

Вряд ли можно сомневаться, что страна Офир находилась на Африканском берегу Красного моря. Будь она в Аравии, израильтяне, отнюдь не морской народ, отправились бы туда по суше, путем, которым якобы прибыла в Израиль царица Савская. Если бы Офир находился в золотоносном районе беджа, то Офир был бы сыном Куша или братом Куша. Остается предположить, что Офир находился на месте нынешней страны 'Афар или несколько южнее, где в древности жили те же 'афар, продвинувшиеся впоследствии на север. Очевидно, афар участвовали в посреднической торговле золотом из страны Сасу и занимали ближайший к побережью отрезок восточного пути. Если наше предположение верно, то сообщения Библии говорят о древнейших связях финикийян (которым, очевидно, принадлежала идея совместной экспедиции в Офир), израильтян при царе Соломоне и его преемниках, сабеев (по следам которых, конечно, шли финикийяне и евреи) с народами Юго-Западной Эфиопии.

Интересно отметить, что подобное мнение существовало еще в период расцвета Сасу. Сам Козьма Индикоплов считал, что сабеев в древности получали золото из Сасу путем посреднической торговли по восточному пути. Вот как он рассказывает о «царице Савской, т. е. Омиритской» (хь-мьяритской): «. . . к (царю) Соломону привезла она благовония из своей Барбарии, находящейся по соседству (с Южной Аравией) по другую сторону моря, и эбеновое дерево, и обезьян, и золото из Эфиопии, ибо жила она по соседству с Эфиопией, по ту сторону Арабского залива» (южная часть Красного моря, между побережьем 'Афар и Йеменом). ⁶⁰ Мнение Козьмы заслуживает внимания, так как основывается на определенной традиции. Во всяком случае оно свидетельствует о торговле золотом из Сасу по восточному пути до Барбарии и Баб-эль-Мандеба, и далее морем — в южную Аравию. Она продолжалась и позднее.

У арабского географа середины X в. Исхāқа ибн-аль-Хусейна встречается рассказ, поразительно похожий на рассказ Козьмы Индикоплова о Сасу.

⁵⁸ Третья книга Царств, или Первая книга Царей, гл. 9, стихи 26—28; гл. 10, стихи 11, 22; Вторая книга Паралипоменон, гл. 8, стихи 17—18; гл. 9, стих 21.

⁵⁹ Третья книга Царств, гл. 22, стихи 48—49; Вторая книга Паралипоменон, гл. 20, стихи 36—37.

⁶⁰ The Christian Topography, p. 70.

«И столица страны Абиссинии — город Джарми (или Джарма, Джарама). Он — столица царства абиссинцев и принадлежит негусу. Тут покупают золотой песок (تيز الذهب) за медь (بالنحاس), но жители города не понимают этого. Когда купец пожелает торговать с одним из тех черных, то кладет на землю. . . (пропуск в оригинале). . . передает ему. Если тот согласен, то берет это, а если не согласен — то забирает свое золото и уходит от него».⁶¹ Какой именно город скрывается под именем Джарми, определить невозможно. Во всяком случае это не сахарская Гарама и не Джарми западного Судана, так как Исхак определенно указывает, что Джарми находился в Абиссинии и принадлежал негусу. В Эфиопии, единственной стране, где встречается этот титул, было немало городов, государств и народов, названия которых напоминают Джарми. В частности, на юго-западе находятся Годжам, Джимма, Гаро, Зильмамо, Йирма, Тирма, Сурма, Гумуз, Гимирра и все этнонимы и топонимы корня ГМР (см. выше), который в египетском или йеменском произношении и с перестановкой согласных мог дать *جزمي*.

Несомненно, что Исхак повторяет легенду о «немом торге». Очевидно, арабы услышали ее из того же источника, что и Козьма Индикоплов, — от купцов северной Эфиопии. На это же указывает и титул «наджаши» правителя Джарми. Только северные эфиопы и амхара могли назвать так любого царя. Впрочем, царь Джарми мог оказаться посредником в торговле золотом. Путь в Сасу из Аксума лежал через Годжам, правитель которого до 1901 г. назывался негусом. Уже самое раннее сообщение о Годжаме, XIV в., называет годжамского царя нагаси.⁶² Вероятно, этот титул он носил и раньше, может быть еще в X в. До XVI в. титулом негус (Энарья-негус) назывался также правитель области Энарья у самых границ золотоносного района. Неясно, однако, не носил ли он еще другого, чисто местного титула (например, моти).

Согласно сообщению Исхака, в эфиопский Джарми ввозилась медь. О ввозе меди и латуни в Адулис, Малао и другие города, служившие морскими портами для торговли Сасу, сообщает «Перипл Эритрейского моря».⁶³ Но возможно, что рассказ о том, что в Джарми золото обменивали на медь, потому что «жители города не понимают (невыгодности) этого», является отголоском старой легенды о счастливой стране эфиопов, где медь ценится дороже золота, вернее золото дешевле меди. Впервые эта легенда встречается еще у Геродота.⁶⁴

⁶¹ Арабские источники VII—X вв. по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. М.—Л., 1960, стр. 187 (арабск. текст), Русский перевод Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева местами неверен.

⁶² Histoire des guerres, p. 281; Абиссинские хроники, стр. 16.

⁶³ П с е в д о - А р р и а н. Перипл Эритрейского моря, §§ 6, 8; см. также §§ 9, 10 и др.; стр. 266—267 и др.

⁶⁴ Г е р о д о т, IV, 196.

Судя по всему, Джарми сообщения Исхāка — это Сасу или, вернее, — ближайший наследник Сасу. Еще в средние века в северной Эфиопии сохранялась память о Сасу. Во многих списках аксумских царей царь 'Ода-Гош превратился в 'Ода-Сасо («вернувшийся из Сасу»), вряд ли только по причине палеографической ошибки.⁶⁵ В перечне стран и народов в «Сказании о походе 'Амда-Ғейона» также фигурирует Сасо (в форме Сасо-ги).⁶⁶

Этот перечень в значительной части заимствован из древней эпической поэзии.⁶⁷ Возможно, влиянием эпической поэзии отчасти объясняется искажение имени 'Ода-Гош, превратившегося в 'Ода-Сасо. В средние века на месте Сасу возникают новые государственные образования. Вероятно, древняя Сасу была колыбелью оригинальной цивилизации и государственности юго-западной Эфиопии.

В заключение мы решаемся высказать еще одно предположение. Козьма подчеркивает, что иностранцы не входили в Сасу, а располагались лагерем у ее границ, что их от жителей Сасу отделяла какая-то изгородь. По рассказу Козьмы получается, что изгородь устраивали сами купцы. Так ли это? Может быть, изгородь существовала до их прихода, может быть, границы Сасу были обнесены изгородями? Ведь именно в юго-западной Эфиопии границы государства издавна укреплялись системой засек, изгородей, ворот-палисадов и т. д. Они известны в Каффе, Гаро, Джимме, Джанджеро и далее на север до области амайо-галла у границ Шоа, где их еще в 1897 г. видел А. К. Булатович.⁶⁸ В средние века ворота-палисады устраивались в Дамоте; в XVI в. о них сообщал Бермудес.⁶⁹ Может быть, сообщение Козьмы является первым, еще неясным свидетельством о существовании этого обычая в юго-западной Эфиопии.

Сведения о «стране Сасу» являются самыми ранними письменными известиями о юго-западной Эфиопии. Все они датируются аксумским периодом: адулисская надпись относится ко II—III вв. н. э., сообщение Козьмы Индикоплова — к VI в. Для более раннего времени письменные источники отсутствуют. Здесь слово за археологией, которая в юго-западной Эфиопии делает первые шаги: в археологическом отношении это самая неизученная часть страны. Пока можно говорить лишь о случайных находках. Характерно, что первым «археологом» здесь оказался пресловутый Альберто Прассо, получивший концессию на золото-платиновые россыпи Ёаллеги. В районе Юбдо, в долине р. Бирбир (относящейся к бассейну Белого Нила), Прассо нашел остатки древних разработок золота: галереи, ямы для дробления и промывки золотоносной породы и даже золотую статуэтку, по его

⁶⁵ C. Conti Rossini. Les listes des rois d'Aksum. Journal Asiatique, 10 sér., 1909, t. XIV, № 2, p. 282.

⁶⁶ Histoire des guerres, pp. 318—323; 359—362.

⁶⁷ Подробнее мы разберем этот вопрос в другом месте.

⁶⁸ А. Булатович. С войсками Менелика II. СПб., 1900, стр. 20—22.

⁶⁹ Breve relação da embaixada q̄ Patriacha dō João Bermudez trouxe do Emperador da Ethiopia. Lisboa, 1565.

словам — древнеегипетскую.⁷⁰ Насколько нам известно, эта статуэтка не была исследована специалистами, и ее дальнейшая судьба неизвестна. Зато Прассо на тех же древних разработках были собраны и переданы в Этнографический музей Флоренции 24 каменных предмета.⁷¹ Они представляют собой орудия горного дела: три каменных песта для дробления породы и 21 «каменный топор». Песты цилиндрической формы, изготовлены из кристаллического сланца, длиной от 38 до 30.6 см.⁷² Таким пестом можно было измельчить лишь небольшие куски породы, но большие и не попадались в аллювиальных песках Юбдо. Конечно, таким небольшим пестом действовали одной рукой, а другой рукой придерживали куски породы. Обработаны песты очень небрежно, но нижний конец закруглен и отполирован. «Каменные топоры» представляют особый интерес. Они треугольной формы, непросверленные, грубо сделанные из кварцита. Только режущая часть отполирована, и то главным образом ближе к острию.⁷³ По нашему мнению, Пиччиони, исследовавший эти предметы, неправ, принимая их за топоры. Во-первых, для топоров они слишком грубо изготовлены, тогда как полировка режущей части указывает на достаточно высокую технику обработки. Во-вторых, в Эфиопии вообще топоры применяются чрезвычайно редко, а в Юбдо при случайных находках собрано свыше 20 таких «топоров». В-третьих, не только в Эфиопии, но и в остальной Африке каменные топоры исчезли очень рано. Их вытеснили железные топоры и ножи-секачи. В Эфиопии кое-где до наших дней сохранились каменные орудия труда, но, конечно, не топоры, а каменные молоты и наковальни, зернотерки, ступы и песты, обсидиановые сверла, каменные наконечники для утяжеления шестов, применяемых для поднятия целины. Не так давно встречались и каменные наконечники мотыг, хотя, как правило, наконечники мотыг делались из железа. Вероятно, «топоры» из Юбдо представляют собой треугольные каменные наконечники мотыг. Понятно, почему они так грубо сработаны. Женские земледельческие орудия, да и мужские тоже изготовлялись далеко не так тщательно, как боевое или охотничье оружие, орудия тонких ремесел и т. д. Эти мотыги из Юбдо, по-видимому, не отличались от обычных земледельческих мотыг, но применялись для рытья золотоносного грунта, галерей, промывальных ям и т. д. Они укреплялись на изогнутой деревянной рукояти, подобно железным мотыгам, близким им по форме, распространенным в современной Эфиопии. Находка каменных орудий — пестов и мотыг — еще не свидетельствует о большой древности разработок. То же самое можно сказать и о золотой статуэтке

⁷⁰ Первое сообщение об этой находке появилось в рецензии Э. Черулли на «Историю Эфиопии» Конто-России в: *Rivista di Studi Orientali*, XII (1929), fasc. III, p. 354; затем в статье: N. P u c c i o n i. La raccolte etnografiche della spedizione Cerulli nell' Ethiopia Occidentale, v. II. Roma, 1933, pp. 197—199.

⁷¹ N. P u c c i o n i, La raccolte etnografiche della spedizione Cerruli, p. 197.

⁷² Там же, стр. 197—198.

⁷³ Там же, стр. 198.

Прассо — единичной находке, не исследованной специалистами. Поэтому остается недоказанным предположение итальянских авторов, начиная с Конти-Россини,⁷⁴ будто бы еще древние египтяне проникали в юго-западную Эфиопию и получали отсюда золото. Скорее всего, золото здесь начали добывать в самом конце пунтийской эпохи, около XII—XI вв. до н. э., когда золотые копи Нубии и Аравии были уже давно освоены и частично истощены, когда южноаравийские мореходы начинают активно осваивать африканские берега, лет за 150—100 до того, как в Библии появляются первые упоминания о золоте из Офира. Золотоносные россыпи юго-западной Эфиопии продолжали разрабатываться в преакумский и в аккумский периоды. Несомненно, именно отсюда получали аккумиты большую часть своего золота. Отсюда, через данакильско-сомалийское побережье, получали золото хымьяриты во времена Козмы Индикоплова, а также, по-видимому, их предшественники-сабей. Должно быть, по следам сабеев пришли за офирским золотом корабли Соломона и Хирама. Развитие торговли, промыслов, благоприятные климатические условия должны были привести к появлению сравнительно высокой цивилизации, истоки которой почти совершенно не исследованы. Будем надеяться, что в недалеком будущем этот район привлечет внимание археологов и ранние периоды его истории начнут систематически изучаться.

V. M. Kobishchanov

SASU — LAND RICH OF GOLD

The author investigates ancient reports of Sasu in the «*Monumentum Adulitanum*» and the Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, and connects them with corresponding geographic historical, archeological, ethnological and ethnographical data. The author comes to the conclusion that Sasu is a land in the region of South-West Ethiopia and the neighbouring part of Sudan.

It is possible that the name of Sasu is the name of the ruling kin or another community; the name of the main part of Sasu's population may be derived from the radical GML||GMR resembling the Kushitic and Ethiopian Semitic words for «hippo».

Cosmas had never been in Sasu and his information about it is partly wrong. The account of «silent barter» is a tale. Cosmas' list of Sasu's imports is a planned version of his Aksumite informants. A certain fence at Sasu's frontier mentioned by Cosmas may be the «gates of the land» or frontier fences known in South-West Ethiopia.

---

⁷⁴ C. Conti-Rossini. *Egitto ed Ethiopia nei tempi antichi e nell'età di mezzo*. Aegyptus, III, 1922, p. 5 sq.

The name of Sasu (or Saso) was not forgotten in the early middle ages. It is found in the medieval Ethiopian sources. The Jarmi of Ishaq ibn al-Ḥusein is possibly Sasu or its successor in South-West Ethiopia. Sasu's gold mining commences about the end of the Punt period (XII—XI c. B. C.). Three routs led from Sasu to the civilized world: Blue Nile Rout to Meroe and Nile Valley, the Northern Rout to Aksum and Northern Ethiopia, and the East Rout to the Northern part of the Horn of Africa and Danakil Coast, where there was Ophir of the Bible and Barbaria of the Grec geographers.
